

УДК 349

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2025-4-42-50>

Оригинальная научная статья

От информатизации к цифровизации: об актуальном значении понятия «информационно-правовое пространство»

А.И. Спиридонов, О.С. Болотаева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

г. Якутск, Российская Федерация

✉ hlolita@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «информационно-правовое пространство», а также восприятие этого термина юридической наукой. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время определение данного понятия как инфраструктуры, обеспечивающей доступ к правовой информации субъектов права, основано на контексте его применения в утрачивающих актуальность программных документах, разработка которых велась в определенных исторических условиях – в период информатизации (процесса создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей) и становления Российской Федерации как государства. В свою очередь схожее существующее и применимое в актуальных стратегических и программных документах понятие «информационное пространство» носит весьма широкий характер, приданный ему цифровизацией – процессом включения информационно-коммуникационных технологий в общественные отношения. Авторы заключают, что в настоящее время необходим иной подход в определении понятия, который бы отвечал требованиям современного общества: информационно-правовое пространство – это часть общего информационного пространства, санкционированная (то есть утвержденная, признаваемая законной) и регулируемая государством. Как полагают авторы, таким образом юридическая наука будет способна изучать и анализировать отдельные институты – официальные интернет-сайты государственных органов и органов местного самоуправления, государственные информационные системы – как единый целостный объект, что позволит более глубоко исследовать новый вид взаимодействия граждан и государства – взаимодействие с применением информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: информационно-правовое пространство, информационное пространство, информатизация, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, актуализация правовых понятий.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Спиридонов А.И., Болотаева О.С. А. От информатизации к цифровизации: об актуальном значении понятия «информационно-правовое пространство». *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science»*. 2025, № 4(40): С. 42-50. DOI: 10.25587/2587- 5612-2025-4-42-50

Original article

From informatization to digitalization: on the current meaning of the concept of information legal space

Aleksei I. Spiridonov, Olga S. Bolotaeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ hlolita@mail.ru

Abstract. The article discusses the concept of “information legal space”, as well as the perception of this term by legal science. The authors conclude that at present, the definition of this concept as an infrastructure providing access to legal information for legal entities is based on the context of its application in losing relevance policy documents, the development of which was carried out in certain historical conditions: during the period of informatization (the process of creating optimal conditions for meeting information

needs) and the formation of the Russian Federation as a state. In turn, the concept of information space, which exists and is applicable in relevant strategic and program documents, is very broad, given to it by digitalization, the process of integrating information and communication technologies into public relations. The authors conclude that a different approach to defining the concept is currently needed, which would meet the requirements of modern society: the information legal space is a part of the general information space, sanctioned (that is, approved, recognized as legitimate) and regulated by the state. According to the authors, in this way, legal science will be able to study and analyze individual institutions – the official websites of government agencies and local governments, state information systems – as a single integrated object, which will allow for a deeper exploration of a new type of interaction between citizens and the state – interaction using information and communication technologies.

Keywords: information legal space, information space, informatization, digitalization, information and communication technologies, updating of legal concepts.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Spiridonov A.I., Bolotaeva O.S. From informatization to digitalization: on the current meaning of the concept of information legal space. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Social science*. 2025, 4(40). P. 42-50. DOI: 10.25587/2587- 5612-2025-4-42-50

Введение

На взаимосвязь права, в частности конституционного права, и информационно-коммуникационных технологий обращают внимание адепты юридической науки – доктор юридических наук, профессор С. А. Авакьян в статье «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право», доктор юридических наук, профессор и судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке Н. С. Бондарь в статье «Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики конституционного Суда Российской Федерации» [1, 2]. В своих рассуждениях авторы не только констатируют истину, связанную с тем, что граждане государства в осуществлении своих прав и свобод все чаще применяют технологические достижения, но и обращают внимание на цифровизацию информационного пространства и на то, насколько из-за этого подвергаются изменениям самые принципиальные конституционно-правовые отношения, связанные с взаимодействием граждан и государства. При этом Н. С. Бондарь в конце статьи отмечает сложный, многоплановый характер процессов цифровизации и заключает о наличии множества проблем, которые заслуживают самостоятельных исследований [2, с. 40].

Понятие «информационно-правовое пространство» является составной частью модернизирующегося под влиянием цифровизации информационного пространства и по своей природе неотделимо от двух значимых процессов – информатизации и цифровизации – их тенденция к широкому распространению отмечается в юридической науке [3, с. 82]. В условиях кардинальных изменений в жизни общества, связанных с цифровизацией, данное понятие выходит за рамки простой совокупности правовых актов и информационных систем. Оно становится ключевой категорией, отражающей цифровую онтологию права, новую реальность, в которой право и технологии взаимно влияют друг на друга. Информационно-правовое пространство не только предполагает представление информации в цифровом формате, оно также отражает глубинные изменения, происходящие в праве под влиянием новых технологических реалий. Исследование таких трансформаций, сопровождающихся наполнением информационно-правового пространства новым содержанием, появлением его новых системообразующих признаков, является актуальным и значимым в современных условиях.

Материалы и методы

Для целей настоящего исследования использовались такие научные методы как анализ, индукция и дедукция, а также формально-юридический и нормативный методы.

Результаты и обсуждение

Цифровизация как процесс включения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в общественные отношения (экономические, государственно-управленческие) оказала и продолжает оказывать значимое влияние на некоторые существующие принципиальные правовые понятия и категории. К примеру, в правовой науке ведутся дискуссии о возможности появления нового субъекта правоотношений – искусственного интеллекта. При этом сторонниками правосубъектности искусственного интеллекта, как правило, предлагается создание правовой фикции «электронное лицо» по аналогии с юридическим лицом. Впрочем, на данный момент представители юридической науки приходят к выводу, что у такого «электронного лица» пока что отсутствует «самосознание, морально-нравственные качества, рефлексия и другие источники проявления автономности и воли» [4, с. 92].

Помимо изменения важнейших правовых понятий и категорий, ИКТ трансформируют и конкретные правовые отношения: продуктом цифровизации стали новые составы правонарушений (ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации [5]), новые объекты гражданских правоотношений (ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [6]). Кроме этого, уникальный (и в определенной степени обусловленный цифровизацией) правовой режим – экспериментальный (далее – ЭПР) – относительно недавно стал одним из законных инструментов государства по применению «специального правового регулирования в отношении определенных групп лиц или на определенной территории», кроме этого ЭПР состоит в том числе и из «полного или частичного отказа от применения обязательных требований», то есть таких требований в нормативных правовых актах, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка за соблюдением которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [7]. Как замечал А. В. Минбалева в 2019 г., комментируя законопроект, который должен был впервые ввести ЭПР в систему российского права: «современный механизм правового регулирования оказывается неспособным эффективно функционировать в условиях стремительного внедрения цифровых инноваций» [8, с. 34]. С принятием Федерального закона от 31.07.2020 №258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» появилась возможность применения специального регулирования по установленным законом направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций в условиях, когда общее правовое регулирование содержит требования, исключающие или существенно затрудняющие их внедрение [9]. Таким образом, в условиях динамичного развития цифровых технологий результатом реализации специального режима становится не только формирование новых видов экономической деятельности, но и совершенствование общего правового регулирования.

Как видно, Российская Федерация на данный момент переживает серьезные и глобальные перемены, связанные с развитием и расширением сфер применения цифровых технологий. Наиболее общим актом, из которого можно анализировать глобальную позицию государства в отношении новейших информационно-коммуникационных технологий, является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Указанная Стратегия устанавливает ряд основных понятий, в том числе «информационное пространство». Под информационным пространством, в соответствии со Стратегией, принято понимать «совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой

информационной инфраструктуры» [10]. Указанное понятие в каком-то смысле соотносится с авторской позицией О. А. Пучкова: «сетевое пространство» есть синкретическое понятие, то есть объединяет различные явления, но при этом является целым – «объединены как материальные, так и нематериальные компоненты» [11, с. 148] – не имеющее физического воплощения пространство существует во взаимосвязи с материальной инфраструктурой.

С учетом вышеизложенного, а также исходя из положений действующего законодательства в указанной сфере [12], «информационное пространство» во взаимосвязи с ИКТ можно интерпретировать в узком смысле как существующее в информационно-телекоммуникационной сети пространство, содержанием которого являются информационные ресурсы (интернет-сайты, автоматизированные системы), и функционирование которого обеспечивается соответствующей информационной инфраструктурой. Предлагаем обратить внимание, что при формулировке определения в Стратегии, государство учитывало актуальное состояние общественных отношений, потому в наличии четкий след «цифровизации» в понимании «информационного пространства» – на это указывает и использование в определении понятия «информационная система». Информационная система в легальном определении есть «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств» [12]. Эта обтекаемая дефиниция на практике в законодательстве зачастую используется в контексте с цифровыми технологиями и ИКТ [13].

Как было указано выше, «информационно-правовое пространство» неотделимо от двух процессов – информатизации и цифровизации. Ранее рассмотренный процесс (цифровизация) не возник сам по себе, а является закономерным следующим этапом иного процесса, который был инициирован раньше, но продолжает сопровождать цифровизацию. По мнению С. М. Зубарева, «информационная сфера и информационные технологии имманентно связаны с цифровой сферой и цифровыми технологиями» [14, с. 23]. Автор таким образом заключил, что цифровизации предшествовал процесс информатизации.

Сферу информационных и информационно-коммуникационных технологий регулирует ряд нормативных правовых актов. К числу актов, «задачей которых является правовое регулирование процессов цифровизации и информатизации», авторы относят в том числе Указ Президента РФ от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России» (ред. от 22.03.2005) [3, с. 81]. Обращаем внимание, что Концепция официально является действующей, хотя по некоторым признакам можно проследить постепенную утрату ее актуальности. К примеру, в тексте Концепции за несуществующими органами государственной власти закрепляются определенные обязанности: «...Высший Арбитражный суд Российской Федерации... формирует и актуализирует эталонные банки ... правовых актов...» [15]. Однако данная Концепция является одним из наиболее ранних актов, использующих как понятие «информационно-правовое пространство», так и понятие «информационное пространство», тем не менее, впрочем, не раскрывая их. Считаем, что для правильного определения правовых понятий необходимо учитывать действовавшее в тот период времени законодательство и его цели, которые бы аккумулировали в себе общие идеи государства и общества. Это необходимо и постольку, поскольку «исходным назначением правовых целей является решение социальных вопросов и общественных проблем населения» [16, с. 56]. Те понятия и категории, которые действуют в законодательстве сейчас и те, что действовали более тридцати лет назад могут иметь разное значение – это зависит от того, какие социальные вопросы и проблемы населения стоят и стояли перед государством.

Таким образом, если учесть указанные обстоятельства, то можно выделить контекст применения изучаемого понятия («информационно-правовое пространство») – сама Концепция преследует цель по проведению правовой *информатизации* в России. Действовавший приблизительно в указанный исторический период российского государства закон – Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 25.01.1995 года №24-ФЗ (утратил силу) [17] – содержит следующее определение *информатизации*: «...организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов». Идея государства о правовой информатизации строилась на основе схожего определения и ориентировалась на организацию такой инфраструктуры (информационно-правовое пространство), которая бы обеспечивала доступ всех субъектов права (граждан, юридических лиц, должностных лиц, органов государственной власти) к правовой информации.

Несмотря на то, что понятие «информационно-правовое пространство» использовалось в иной период времени и, следовательно, сейчас ему может быть придан иной, более актуальный характер и контекст применения, юридическая наука придерживается официального контекста, данного ему более тридцати лет назад в рассмотренной Концепции, актуальность которой стоит под вопросом – некоторые схожие по характеру документы, использовавшие понятие «информационно-правовое пространство», утратили силу, к примеру «Концепция информатизации Министерства юстиции Российской Федерации», утвержденная Приказом Министерства юстиции РФ от 21.01.2000 г. №10 [18]. Так, Т. А. Полякова акцентировала внимание на том, что «...создание единого информационно-правового пространства является важной задачей органов государственной власти и требует создания национальной системы правовой информации России, в которую, безусловно, должно быть включено информационное законодательство...» [19, с. 44]. Я. В. Антонов определяет «информационно-правовое пространство» как «особую информационно-коммуникационную среду, в основе которой лежит система правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере образования и распространения информации» [20, с. 142]. Представляется, что таким образом «информационно-правовое пространство» сохраняет черту «информатизации» Концепции.

Итак, согласимся с тем фактом, что информационное пространство приобрело более обширный характер, этой идеи придерживается и государство, дав ему в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы достаточно широкое определение, не исключаяющее цифровизацию и иные процессы, связанные с ее дальнейшим развитием. Именно поэтому считаем обоснованным предложить следующую гипотезу. Понятие «информационно-правовое пространство» в том представлении, в котором его содержание толкуется как система правовой информации, находящаяся в информационных ресурсах, признать несколько несоответствующим реалиям сегодняшнего дня. Предлагаем следующее определение: информационно-правовое пространство – это часть общего информационного пространства, санкционированная (то есть утвержденная, признаваемая законной) и регулируемая государством. Во взаимосвязи с ИКТ звеньями всего информационно-правового пространства являются информационные ресурсы органов государственной власти и органов местного самоуправления (к примеру, их официальные интернет-сайты), государственные автоматизированные системы (ГАС «Правосудие»), государственные информационные системы («Единый портал государственных и мун-

ципальных услуг (функций)»), а также иные, существующие в информационном пространстве ресурсы, создание и функционирование которых определено нормативно-правовым актом (см. например ст. 21 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», ст. 10 Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления») [21, 22].

Теперь «информационно-правовое пространство» предстает как стремительно развивающееся пространство в информационно-коммуникационной среде, в котором граждане и государство активно взаимодействуют друг с другом – в этом пространстве граждане не только получают необходимые сведения о деятельности органов публичной власти (след «информатизации»), но и реализуют субъективные права и обязанности дистанционно посредством ИКТ и сквозных цифровых технологий (след «цифровизации»). По сведениям Федеральной службы государственной статистики, только лишь в 2020 г. доля «взаимодействия населения (в возрасте 15-72 лет) с органами государственной власти через сеть «Интернет» (используя официальные сайты и порталы государственных и муниципальных услуг, мобильные устройства (мобильный телефон, планшет и пр.), электронную почту, терминалы самообслуживания)» составила 58,7% от общей доли взаимодействий с органами [23].

Заключение

Ввод в юридическую науку понятия «информационно-правовое пространство» позволяет выделить из обширного информационного пространства особую и конкретную область, которая находится под контролем и управлением государства и в которой оно посредством продуктов цифровизации реализует свои функции. Представление информационно-правового пространства в качестве единой системной модели дает юридической науке целостный объект для изучения, а не просто набор отдельных институтов. При этом подчеркивается неразрывная связь этой области с правом, поскольку ее формирование и развитие основаны на правовом регулировании и сопряжены с функционированием государственно-правовых институтов, формированием новых правовых связей, развитием правовых отношений в новых формах, предполагающих использование ИКТ. Помимо этого, юридической науке удастся глубже анализировать суть и значимость этой новой единой и бурно развивающейся комплексной системы, а также найти общие принципы функционирования этого пространства и, что важно, изучить и анализировать тенденции развития российского права и государства через призму распространения нового формата реализации правоотношений граждан и государства – с применением информационно-коммуникационных технологий. Таким образом, понятие «информационно-правовое пространство» может стать концептуальной основой, формирующей целостное восприятие сложных процессов, обусловленных применением ИКТ для целей взаимодействия граждан и государства и дальнейшего развития новых форм реализации правовых отношений.

Литература

1. Авакян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право. *Конституционное и муниципальное право*. 2019,7:23–28.
2. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики конституционного Суда Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2019,11:25–42.
3. Михеева Т. Н., Бессонов Н. К. Конституционно-правовое регулирование информатизации и цифровизации в России. *Образование и право*. 2021,5:80–83.
4. Журавлева А. В., Куликова Ю.А. Искусственный интеллект как субъект права. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2025,3:88–94.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 05.12.1994. № 32. ст. 3301
7. Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 03.08.2020. № 31 (часть I). ст. 5006
8. Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений. // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2019, 12(64):31–36.
9. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 03.08.2020. № 31 (часть I). ст. 5017
10. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203. *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 20. ст.2901.
11. Пучков О. А. Физическая сущность сетевого пространства и право: некоторые методологические проблемы. *Правовое государство: теория и практика*. 2021,3(65):146–157.
12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.
13. О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 30.06.2025. № 26 (часть I). ст. 3486
14. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления. *Актуальные проблемы российского права*. 2020,15,6:23–32.
15. О Концепции правовой информатизации России: указ Президента Российской Федерации от 28.06.1993 №966. *Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации* от 1993 г. 1993 г. № 27. ст. 252.
16. Константин А. Г. Правовые цели в механизме правового регулирования, их характеристики и свойства. *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2025,1(96):55–59.
17. Об информации, информатизации и защите информации: федеральный закон от 25.01.1995 №24-ФЗ (утратил силу). *Собрание законодательства Российской Федерации* от 1995 г. 1995 г. № 8. ст. 609.
18. О признании утратившими силу приказов Министерства юстиции Российской Федерации и их отдельных положений: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 14.06.2023 № 147. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo-search.minjust.ru/bigs/showDocumentWithTemplate.action?id=E54BA941-30F8-4113-A6A1-BA71C701D054&shard=%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%83%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8&templateName=printText.flт> (дата обращения 27.09.2025)
19. Полякова Т.А. Систематизация информационного законодательства – важная составляющая формирования единого информационно-правового пространства. *Систематизация и кодификация информационного законодательства*. Москва: ИГП РАН – Изд-во «Канон+», 2015. С. 42.
20. Антонов Я. В. Правовые аспекты электронной демократии и электронного голосования. *Управленческое консультирование*. 2014,6(66):136–144.
21. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 02.08.2010, № 31, ст. 4179
22. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ. *Собрание законодательства РФ*. 16.02.2009. № 7. ст. 776.
23. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Получение населением государственных и муниципальных услуг в электронной форме [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D1%8B%202020%20%D0%B3..html (дата обращения 20.09.2025).

References

1. Avakyan S.A. Information space of knowledge, the digital world and constitutional law. *Constitutional and municipal law*. 2019;(7):23–28 (in Russian).
2. Bondar N.S. Information and digital space in the constitutional measurement: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2019;(11):25–42 (in Russian).
3. Mikheeva T.N. Constitutional and legal regulation of informatization and digitalization in Russia. *Education and Law*. 2021;(5):80–83 (in Russian).
4. Zhuravleva A.V. Artificial intelligence as a subject of law. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2025;(3):88–94 (in Russian).
5. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ. Collection of legislation of the Russian Federation. 06/17/1996. No. 25. Article 2954 (in Russian).
6. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ. Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. art. 3301 (in Russian).
7. On mandatory requirements in the Russian Federation: Federal Law No. 247-FZ dated 07/31/2020. Collection of Legislation of the Russian Federation. 08/03/2020. No. 31 (part I). art. 5006 (in Russian).
8. Minbaleev A.V. Transformation of regulation of digital relations. *Bulletin of O. E. Kutafin University*. 2019;12(64):31–36 (in Russian).
9. On experimental legal regimes in the field of digital and technological innovations in the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ dated 07/31/2020. Collection of Legislation of the Russian Federation. 08/03/2020. No. 31 (part I). art. 5017 (in Russian).
10. On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 No. 203. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20, Article 2901.3 (in Russian).
11. Puchkov O.A. The physical essence of the network space and law: some methodological problems. *The rule of law: theory and practice*. 2021;3(65):146–157 (in Russian).
12. On information, information technologies and information protection: Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006. Collection of Legislation of the Russian Federation. 07/31/2006. No. 31 (1 part). art. 3448 (in Russian).
13. On the creation of a multifunctional information exchange service and on amendments to Certain Legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 156-FZ dated 06/24/2025. Collection of Legislation of the Russian Federation. 30.06.2025. No. 26 (part I). V. 3486 (in Russian).
14. Zubarev S.M. Legal risks of digitalization of public administration. *Actual problems of Russian law*. 2020;15(6):23–32 (in Russian).
15. On the Concept of legal informatization of Russia: Decree of the President of the Russian Federation dated 06/28/1993 No. 966. Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation dated 1993, 1993 No. 27, art. 252 (in Russian).
16. Konstantin A.G. Legal goals in the mechanism of legal regulation, their characteristics and properties. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;1(96):55–59 (in Russian).
17. On information, informatization and information protection: Federal Law No. 24-FZ of January 25, 1995 (expired). Collection of Legislation of the Russian Federation of 1995, No. 8, 1995, art. 609 (in Russian).
18. On invalidation of orders of the Ministry of Justice of the Russian Federation and their individual provisions: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 06/14/2023 No. 147. Available at: <https://pravo-search.minjust.ru/big5/showDocumentWithTemplate.action?id=E54BA941-30F8-4113-A6A1-BA71C701D054&shard=%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%83%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8&templateName=printText.flit> (accessed: 27 September 2025) (in Russian).
19. Polyakova T.A. Systematization of information legislation is an important component of the formation of a unified information and legal space. In: *Systematization and codification of information legislation. Collection of scientific papers*. Moscow: Canon+, 2015: 42 (in Russian).
20. Antonov Ya.V. Legal aspects of electronic democracy and electronic voting. *Management consulting*. 2014;6(66):136–144 (in Russian).

21. On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law No. 210-FZ dated 27.07.2010. Collection of Legislation of the Russian Federation, 02.08.2010, No. 31, art. 4179 (in Russian).

22. On ensuring access to information on the activities of state bodies and local self-government bodies: Federal Law No. 8-FZ of 09.02.2009. Collection of Legislation of the Russian Federation. 02/16/2009. No. 7. Article 776 (in Russian).

23. Federal State Statistics Service (Rosstat). Receipt of state and municipal services by the population in electronic form. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D1%8B%202020%20-%D0%B3..html (accessed: 20 September 2025) (in Russian).

Сведения об авторах

СПИРИДОНОВ Алексей Иванович – специалист-эксперт Управления Министерства юстиции РФ по РС(Я), SPIN-код: 4011-9471, e-mail: spiridonov_aleksej_iv@mail.ru.

БОЛОТАЕВА Ольга Сергеевна – к. юрид. н., доцент кафедры «Конституционное и муниципальное право», юридический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», SPIN-код: 9203-9940, e-mail: hlolita@mail.ru.

About the authors

SPIRIDONOV Aleksey Ivanovich, specialist-expert of the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Sakha (Yakutia), SPIN-code: 4011-9471, e-mail: spiridonov_aleksej_iv@mail.ru.

BOLOTAEVA Olga Sergeevna, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, SPIN: 9203-9940, e-mail: hlolita@mail.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contribution

All authors made equivalent contributions to the publication.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 03.10.2025

Поступила после рецензирования/ Revised 21.10.2025

Принята к публикации / Accepted 03. 11. 2025